

Александр ХОМЕНКОВ

ДЖИНН НАУЧНОГО МЕТОДА

В двух прошлых номерах нашего журнала были опубликованы статьи, написанные по мотивам книги Александра Хоменкова «Наука против мифов: По следам Разумного Замысла. Тайна живой материи». Настоящая статья является продолжением этой серии. Её содержание, также как и содержание предыдущей статьи, связано с теми психологическими аспектами в творчестве современных учёных, которые очень часто приводят их к конструированию различных околонаучных мифов.

Как было показано в предыдущей статье, возникновение околонаучного мифа материализма имеет глубокие психологические корни, связанные с таинственным фактором «коллективного бессознательного», стимулируемого оккультными увлечениями учёных и философов.

Но этим таинственным фактором психологические предпосылки возникновения околонаучных мифов не исчерпываются. Существует целый ряд довольно хорошо известных современной психоло-

гии механизмов, подталкивающих пытливого ум учёного к принятию именно материалистического видения мира. Эти механизмы могут иногда действовать даже вопреки воле и глубинным личностным устремлениям самого учёного.

Какая установка движет учёными?

Феномен психологической установки был основательно изучен научной школой, основанной известным грузинским психологом Дмитрием Николаевичем Узнадзе (1886–1950). Дмитрий Николаевич провёл большую экспериментальную работу, в результате которой было убедительно показано, что восприятие человеком реальности мира и его образ действия в этом мире кардинально зависят от его прошлого опыта. Если, к примеру, испытываемому несколько раз дать в руки два шара *разной* величины, то у него через несколько опытов возникнет соответствующая психологическая настроенность, определяющая его реакцию на наличие шаров в его руках. Если после этих установочных опытов ему дать два *одинаковых* шара, то на фоне выработанной ранее установки шары будут казаться ему *разными* по своей величине. При этом меньшим будет казаться шар, который будет находиться в той руке, в которой

в предварительных опытах находился больший шар. Содержание подобной «настройки» называют психологической установкой. И эта психологическая установка, как фундаментальная характеристика психической жизни, имеет важнейшее практическое значение.

По словам одного из представителей школы Дмитрия Узнадзе — Ш. А. Надирашвили, «в современной социальной психологии, не обратившись к понятию установки, невозможно рассмотреть такие вопросы, как формирование общественного мнения, социального влияния, ценностных ориентаций». В нашем случае этот механизм заставляет учёных и философов абсолютизировать результаты аналитического подхода в ущерб метафизическим представлениям о сверхъестественном организующем факторе живой материи.

Аналогичные психологические мотивы, кстати, стимулируют возникновение и эволюционных идей. Ведь учёные в своей повседневной работе часто сталкиваются с процессами развития живого организма от одной клетки к сложным формам живой материи, но никогда не имеют дела с сотворением живого организма «из ничего». На основании этого опыта и формируются глубинные психологические предпочтения научного сообщества.

О «воющем звуке» околонаучных мифов

Но механизм психологической установки является далеко не единственным психологическим фактором, определяющим мировоззренческие предпочтения научного сообщества. Значительную роль в формировании этих предпочтений играет механизм внушения.

Выдающийся русский учёный, академик Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) писал на рубеже XIX и XX столетий о внушении как о некоей «психической заразе», таинственные «микробы» которой «действуют везде и всюду и передаются через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты и прочее, — словом, где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически заражёнными». При этом внушающее воздействие на человека этих «психических микробов» осуществляется без ясного осознания этого самим человеком и опять-таки относится к той сфере психического, которую в современной литературе чаще всего называют сферой бессознательного.

При всём этом очень важно отметить, что внушение, по словам

Когда военные лётчики, летавшие всю жизнь на самолёте-истребителе, уходят на пенсию, они, как правило, ещё полны сил и здоровья и вполне могли бы работать в гражданской авиации, где не требуется переносить значительных перегрузок. Но их туда не берут. Существует опасение, что выработанная годами их профессиональной деятельности психологическая установка будет периодически толкать их к выделыванию таких воздушных пируэтов, которые для самолётов гражданской авиации вовсе не уместны.

Навыки, приобретённые в рамках какой-то определённой деятельности, могут становиться помехой, когда человек переключается на деятельность иного рода. Выработанная предшествующей деятельностью установка может в этом случае существенно навредить.

исследователей этого феномена, наиболее успешно действует тогда, когда человек испытывает «*доверие к тому, кто внушает*». Более же всего современный человек испытывает доверие к тому, кто выступает от имени науки, практические успехи которой для всех очевидны.

Внушение, в отличие от убеждения, проникает в психическую сферу без активного внимания, входя без особой переработки непосредственно в общую сферу и укрепляясь здесь, как всякий вообще предмет пассивного восприятия.

В результате этого, по словам Бехтерева, происходит «вторжение в психическую сферу посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте личной сферы, вследствие чего последняя в большинстве случаев является или совершенно, или почти безвластной его отринуть и изгнать из сферы личности даже при том условии, когда представляется ясной его нелепость».

Но самое главное заключается в том, что механизм психологической установки и механизм внушения в процессе подчинения общества околонучным мифам будут действовать совместно, усиливая друг друга.

На языке кибернетики такого рода явления принято называть положительной обратной связью,

и эта связь приводит к лавинообразному, необратимому развитию участвующих в этой ситуации процессов. Типичным примером такого лавинообразного развития может служить резкое усиление звука в динамиках при поднесении к этим динамикам микрофона этой же акустической системы. В этом случае любой, даже самый слабый акустический сигнал, улавливаемый микрофоном, воспроизводится с усилением динамиками. Чем более сильный звук попадает на микрофон, тем более сильный звук исходит из динамиков. Но чем более сильный звук исходит из динамиков, тем более сильный звук попадает на находящийся вблизи микрофон. Происходит взаимное усиление сигналов, в результате чего из динамиков начинает раздаваться сильный «воющий звук».

Аналогичный «воющий звук» материализма и эволюционизма заполнил в своё время и всю интеллектуальную атмосферу европейского общества.

Открытие монаха Алипия

Широкому распространению этого «воющего звука» способствовали и другие психологические факторы, прежде всего принцип доминанты, раскрытый монахом Алипием, более известным

в светских кругах как академик Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942).

Доминантой, согласно учению Алексея Ухтомского, является временно господствующий в центральной нервной системе очаг возбуждения, который создаёт скрытую готовность организма к определённой деятельности при одновременном торможении других центров с использованием их энергии в своих целях. Согласно учению Ухтомского, жизнь доминантна по самой своей природе. Любая активность живого существа осуществляется на основании принципа доминанты, способствующего концентрации его энергии в жизненно важном для данного момента времени и данной ситуации направлении, обеспечивая оптимальное выполнение стоящей перед живым существом задачи. Весь организм как целое на текущий момент вовлечён в решение какой-то главной, генеральной задачи, мобилизован на неё.

Механизм доминанты при неадекватном устройстве личности учёного может приносить весьма плачевные плоды. В частности, увлечись ложной мировоззренческой идеей, учёный будет «рекрутировать» на защиту этой идеи всю энергию своей души, так что «любые внешние воздействия будут или «работать» на поставленную цель, или игнорироваться», то

есть будет происходить либо неадекватное истолкование учёным научных аргументов, противоречащих этой ложной мировоззренческой идее, либо их полное игнорирование. Учёный, пленившийся такими доминантами, будет весьма тенденциозным в своих суждениях. Новые факты и люди, писал по этому поводу Ухтомский, «уже не говорят ему ничего».

Итак, если механизм психологической установки показывает нам, как зарождается та или иная психологическая активность и в каком направлении она подталкивает последующую деятельность личности, то механизм доминанты раскрывает сам характер этой психологической активности. Благодаря механизму доминанты эта активность приобретает характер мощного социально-психологического фактора, способного «свернуть горы». Возникшие благодаря механизму установки материалистические и эволюционные мировоззренческие мотивы закрепляются механизмом внушения и способны приобрести благодаря механизму доминанты в научно-философском сообществе статус непоколебимых догм.

В итоге возникает то натуралистическое видение мира, которое исключает из научной картины мира любые намёки на надприродное, Божественное Начало, несмотря на то, что сам содержательный аспект науки со всей определённостью об этом Начале свидетельствует. Психологическая составляющая «джинна» научного метода имеет ярко выраженную противоположную направленность его содержательному аспекту, явно свидетельствующему о Творце и Вседержителе нашего мира. И если в творчестве Исаака Ньютона эта психологическая составляющая не приобрела статус решающего фактора, то в трудах последующих поколений учёных сложилась прямо противоположная картина. На протяжении столетий околонучные мифы материализма и эволюционизма сумели стать доминирующими идеями в жизни «просвещённого

человечества», подчиняя своей логике его чаяния и надежды. Лишь немногие учёные смогли уберечься от тотального господства этих мифов над умами. Один из них, известный немецкий биолог-виталист Ганс Дриш (1867–1941), высказывался о судьбе своих соратников в этот период весьма пессимистично. По его словам, «тех немногих, которые остались верны традиции старой, то есть виталистической биологии в период господства материализма, постигла печальная участь. Охотнее всего их бы запрятали в дома умалишённых, если бы «старческое слабоумие» не послужило для них отчасти «извинением»».

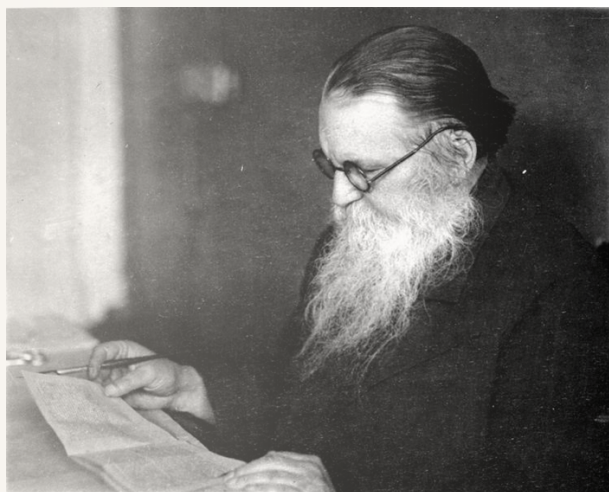
Шокирующие параллели

Такое отношение к своим оппонентам широко распространено как у учёных-материалистов, так и у учёных-эволюционистов. В США недавно вышел документальный фильм известного американского режиссёра Бена Стайна «Изгнанные. Интеллект запрещён». В этом фильме многие учёные рассказывают перед телекамерой о том, как, упомянув в своей научной или же преподавательской деятельности некоторые положения концепции «Разумного Замысла», они тотчас же лишались работы, хотя до этого

На протяжении столетий околонучные мифы материализма и эволюционизма сумели стать доминирующими идеями в жизни «просвещённого человечества», подчиняя своей логике его чаяния и надежды.

Согласно учению Ухтомского, жизнь доминантна по самой своей природе. Любая активность живого существа осуществляется на основании принципа доминанты, способствующего концентрации его энергии в жизненно важном для данного момента времени и данной ситуации направлении, обеспечивая оптимальное выполнение стоящей перед живым существом задачи.

у них никаких проблем в этой области не было.

Схожая ситуация сложилась и в других странах, в том числе и в России. И это несмотря на то, что сторонники материалистического и эволюционного мировоззрения стараются избегать открытых научных дискуссий со своими оппонентами, ибо в этих дискуссиях они, как правило, терпят поражение. Не зря ведь ещё в начале 1980-х как на сессии Национальной академии наук США, так и на общественных собраниях учёных-эволюционистов этой страны было принято весьма примечательное постановление: не участвовать ни в каких дебатах на тему «Сотворение или эволюция». Вместо этого все усилия были направлены на подавление своих оппонентов административными и пропагандистскими методами.

Термин «паранойя» вызывает ассоциацию с пациентом определённого медицинского учреждения, за поведением которого пристально наблюдают крепкого телосложения санитары. На самом деле в этой ситуации всё не так драматично. Как утверждают специалисты, незначительные отклонения от психической нормы присущи примерно 20–25 % населения нашей планеты. К таким же незначительным отклонениям можно отнести и многие отклонения паранойяльной направленности, характеризующиеся стойкой уверенностью в тех или иных взглядах, уверенностью, не требующей подтверждения фактами. Возникающая при паранойе бредовая убеждённость, как пишется в Большой Советской Энциклопедии (3-е издание, статья «Паранойя»), характеризуется «сложностью содержания, последовательностью доказательств и внешним правдоподобием».

Все эти характеристики сближают паранойяльный стиль мышления с мышлением обычным, в том числе с мышлением, проявляющимся в сфере научной деятельности. При всём этом расстройство сознания при паранойе вовсе не означает угасания интеллекта.

Более того, по мнению некоторых авторов, «чем более сохранён интеллект, тем содержательнее и систематичнее бред». Бредовые идеи не поддаются никакой коррекции. Эту особенность бредовых идей французские авторы называют неисправимостью. Некоторые исследователи считают, что неисправимость является единственным существенным для бреда признаком.

О природе состояния «неисправимости»

Однако было бы слишком опрометчиво надеяться на то, что в современной психиатрии можно найти твёрдую почву для понимания процессов, протекающих в нынешнем научно-философском сообществе. В психиатрии, в отличие, например, от физики, вообще не существует строгих объективных критериев истинности полученного знания. Поэтому, применяя психиатрические термины к состоянию современного научно-философского сообщества, более корректно было бы добавлять выражение «*нечто подобное*». Существует *нечто подобное* состоянию здесь бредовых переживаний, *нечто подобное* паранойяльному устроению личности и так далее.

Впрочем, исключением из этого правила может являться термин «неисправимость», который можно применять здесь без всяких оговорок. Это связано не только с тем, что можно подвести определённый «метафизический базис» под состояние неисправимости бредовых переживаний.

Этот «метафизический базис» связан с затронутыми в прошлой статье этого цикла (см. «Православная беседа» № 6, 2015) представлениями о сферах в высших, интуитивно обусловленных сферах человеческого мышления, которые, в частности, бывают названы оккультной практикой. При таких оккультных экспериментах, судя по всему, происходят нарушения в высшей, духовной сфере человеческой личности, отвечающей за то непосредственное, инту-

итивное восприятие истины, которое, если вспомнить слова Роджера Пенроуза, «невозможно смоделировать никакими вычислительными средствами».

Здесь уместно вспомнить о том, что, согласно христианской святоотеческой традиции, «способность мыслить даётся душам извне» (Максим Исповедник), — со стороны Божественных энергий, которыми «держится» весь мир, в том числе и субстанция разумной человеческой души. Святой Дионисий Ареопагит писал по этому поводу следующее: «Благо называется Светом не только потому, что оно преисполняет умопостигаемым светом всех разумных существ наднебесной (иерархии), но также и потому, что оно устраняет любое неведение и заблуждение из душ всех людей, сколько бы тех ни родилось, приобщая их к священному свету».

Непосредственное, интуитивное восприятие истины «невозможно смоделировать никакими вычислительными процессами», и оно, как свидетельствует христианская традиция, напрямую связано со степенью духовного роста человека, со степенью его приобщения к Божественной благодати. Человек при таком благодатном озарении оказывается способным к непосредственному восприятию истины. Сбои в работе этого высшего органа восприятия и приводят к тому состоянию, когда субъективное убеждение в своей правоте у человека остаётся, а объективное восприятие истины им уже утрачивается. Именно такое состояние и характеризуется современной психиатрией как состояние «неисправимости», свойственное бредовым переживаниям. И о том, что такое состояние в той или иной степени присуще современному научно-философскому сообществу, свидетельствуют не только отмеченные выше гонения на сторонников концепции Разумного Замысла, но и широко встречающийся в этом сообществе феномен мошенничества.

О феномене мошенничества в науке

Действительно, если учёный убеждён в истинности отстаиваемой им концепции, он постарается «исправить» те «неправильные факты», которые этой концепции противостоят, то есть постарается смоделировать.

Надо сказать, что феномен мошенничества в науке стали в последние десятилетия с энтузиазмом изучать сами же учёные. В частности, исследователь из Оксфорда А. Кон ещё в 1980-х годах опубликовал данные своих социологических исследований, в которых убедительно показал, что мошенничество в науке является не исключением, но, скорее, правилом. Кон выделил три разновидности такого мошенничества: 1) «подлог», то есть прямая фальсификация результатов исследования, придумывание несуществующих фактов; 2) «приукрашивание», то есть искажение результатов исследований в желаемом направлении; 3) «стряпня», то есть отбор данных, подтверждающих гипотезы исследователя.

Все эти три разновидности можно встретить и в истории «научного обоснования» околонуточных мифов, в частности мифа эволюционизма. Среди «подлогов» здесь наиболее известны следующие.

— В 1874 году немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель (1834–1919) опубликовал сфальсифицированные рисунки эмбрионов, призванные обосновать так называемый закон эмбриональной рекапитуляции, согласно которому в эмбриональном развитии человека можно якобы найти следы его эволюционной истории. Чарльз Дарвин, кстати, объявил в своё время это «открытие» Геккеля главным доказательством своего эволюционного учения, и оно стало с фантастической скоростью распространяться по всему миру, стимулируя при этом распространение и абортов. Ведь если человеческий зародыш ещё не человек в собственном смысле этого слова, а некое неведомое существо с чем-то вроде рыбьих жабр и собачьего хвоста, которые Геккель старательно вырисовал на своих рисунках, то его не жалко и убить. Позже, правда, этот «закон» подвергся уничтожающей критике со стороны многих видных биологов. Тем не менее всё это не помешало остаться данному «закону» в учебниках, в том числе российских, в качестве одного из главных «доказательств» эволюционной доктрины.

— В 1913 году весь мир облетела сенсационная новость: наконец найдены долгожданные останки «обезьяночеловека» — так называемый пилтдаунский человек. Этого «открытия» сторонники эволюционной гипотезы с нетерпением

ждали более 50 лет — со времени выхода в свет «Происхождения видов» Дарвина. Ещё около сорока лет «пилтдаунский человек» считался главным претендентом на роль «промежуточного звена» между обезьяной и человеком. На месте его находки был даже установлен мемориальный знак, который позже был назван «национальным монументом» Великобритании. И лишь в пятидесятых годах выяснилось, что найденный череп принадлежит обыкновенному человеку, а якобы принадлежащая этому черепу нижняя челюсть — обыкновенной обезьяне орангутангу. При этом челюсть орангутанга была выкрашена специальным красителем для придания ей более древнего вида, а зубы на ней оказались подпилены напильником для придания им большего сходства с зубами «обезьяночеловека».

— В 1999 году на обложке ноябрьского номера журнала **National Geographic** появилась фотография останков «археораптора», сочетающего в себе признаки птицы и динозавра. «Археораптор» был назван «эволюционистской находкой столетия», поскольку эта находка якобы доказывала эволюционное происхождение птиц от динозавров. Однако более тщательное исследование показало, что «археораптор» представляет собой просто искусно созданную компиляцию из двух разных су-

Верхний ряд. Э. Геккель: изображения эмбрионов разных животных, обнаруживающих невероятное сходство в одной из ранних стадий развития.

Нижний ряд. М. Ричардсон: фотографии, показывающие, как на самом деле выглядят эмбрионы этих животных в данной стадии развития.

В школьных и вузовских учебниках нет ни одного высказывания в пользу эволюционной гипотезы, которое нельзя было бы квалифицировать как проявление научного обмана-самообмана в стиле «стряпни» или же «приукрашивания».

ществ — туловища птицы и хвоста динозавра.

Впрочем, эти и подобные им «подлоги» не являются основной движущей силой околонуточного мифотворчества. Гораздо больший вес здесь имеют такие виды подгонки эмпирических фактов под «неисправимые» стереотипы мышления учёных, как «приукрашивание» и, особенно, «стряпня». Психологи часто пользуются тестом определения глубинных пластов личности человека по тому, что он сможет увидеть в бесформенных чернильных пятнах (тест Роршаха). *Нечто подобное* происходит и в случае научного мошенничества в стиле «стряпни» и «приукрашивания». Учёный способен увидеть в разрозненной совокупности эмпирических фактов лишь то, что соответствует его глубинной мировоззренческой установке.

Такие формы научного обмана-самообмана, как правило, могут быть раскрыты только соответствующими специалистами, но, как уже говорилось, таких специалистов изгоняют из научной среды при первых же подозрениях на их нелояльность к установившимся в этой среде мировоззренческим канонам. Социальные следствия этой ситуации весьма показательны: в школьных и вузовских учебниках *нет ни одного высказывания в пользу эволюционной гипотезы, которые нельзя было бы квалифицировать как проявление научного обмана-самообмана в стиле «стряпни» или же «приукрашивания».*

Автор этих строк готов вступить в открытую полемику по этому поводу с ведущими эволюционистами — пусть кто-нибудь из них представит на суд общественности хотя бы одно такое высказывание из учебников.

Немного об исторических следствиях

В своё время известный швейцарский психиатр Эйген Блейлер (1857–1939) написал следую-

щее: «Случается, что параноик не только внушает веру в свои бредовые идеи лицам, с которыми он находится в тесном общении, но до того их заражает, что они самостоятельно развивают бред дальше... Такие случаи называются индуцированным помешательством».

Как свидетельствуют специалисты, «систематизированные бредовые идеи в случае их прогрессирующего развития обычно проявляют тенденцию к последовательному усложнению, углублению и расширению фабулы» — своей содержательной стороны. И вектор такого развития, как правило, направлен «от абстрактного построения (предположения возможного, теории) до аксиоматического бескомпромиссности — бреда с практическими (для больного) выводами».

Нечто подобное можно обнаружить и в истории жизни материалистического и эволюционного мифов. Во второй половине XIX столетия *абстрактное построение* материалистически-эволюционной философии начало особенно интенсивно разрастаться и принимать форму весьма специфического *практического вывода* — идеи построения идеального по меркам этой философии общества.

Так, в психиатрической литературе отмечены «три периода в развитии бреда: период инкубации; период систематизации — самый важный и интересный с его поразительной интеллектуальной активностью, часто с прекрасной логикой, крайне разнообразной и сложной мозговой работой; период стереотипии (содержащий бред, нашедший свою формулу, остановившийся в своём развитии; это клише, не подлежащее никаким изменениям)».

В историческом развёртывании *практического вывода* (коммунистической идеи) из *абстрактных построений* материалистически-эволюционного характера все эти три периода легко обнаруживаются. Период инкубации здесь можно сопоставить с трудами те-

оретических предшественников марксизма, к которым обычно относят представителей классической немецкой философии, английской политической экономии и французского утопического социализма.

Самый же важный и интересный — период систематизации — это, безусловно, период творчества так называемых классиков этого учения, которых обычно выделяют также в числе трёх: Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ульянова (Ленина).

Что же касается периода стереотипии этой идеи, то этот период, в частности, очень показательно проявился в XX столетии в России, где жизнь всего общества была строжайшим образом подчинена идеологическим стереотипам, которые под страхом смерти не подлежали никакому изменению. Над согласованием российской жизни с этими стереотипами работали целые институты, боявшиеся допустить до общественного сознания любую идею, сомнительную с точки зрения марксистско-ленинского образа мышления. Сама реальность была изменена в соответствии со стереотипами бредовой системы. Более того, сами носители иных взглядов воспринимались в тоталитарном государстве как «враждебные личности», ибо их присутствие противоречило принципу «неисправимости» бредовых переживаний тоталитарного общества. *Нечто подобное*, как уже говорилось, мы можем увидеть и в современном научном сообществе, извергающем из себя всех, кто не соответствует его мировоззренческим стереотипам.

Корни таких гонений на инакомыслие находятся в неадекватном устройстве самих гонителей, в противоречии их взглядов тому, что на философском языке принято называть Абсолютной Истиной.

Святой Дионисий Ареопагит писал в своё время о том, что всякое «зло возникает не от силы, но от слабости» (в данном случае — от мировоззренческой слабости).

